



ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ ЦЕРКОВНАГО ОБЩЕСТВА.

(Изъ лекцій покойнаго профессора Московскаго Университета.
А. С. Павлова)¹).

2. Монашество.

§ 10. *Понятіе о монашестве и отношеніе его къ духовной іерархіи.* Между клиромъ и мірянами, или простыми членами церковнаго общества, въ нашей и католической церкви стоитъ особое церковное сословіе—монашество. Оно есть продуктъ нравственнаго духа христіанской религіи, возбуждающаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ стремленіе къ высшему, идеально-нравственному совершенству, состоящему, по ученію Христа, въ полномъ отреченіи отъ благъ міра и въ самоотверженной преданности Богу (Матѣ. 19, 10—12. 21; 16, 24 и др.). Первые монахи были *анахоретами*, то есть отшельниками, которые проводили созерцательно-аскетическую жизнь въ лѣсахъ и пещерахъ. Но въ IV в. египетскій аскетъ св. Пахомій соединилъ всѣхъ такихъ отшельниковъ въ одномъ общемъ обиталищѣ, которое онъ устроилъ, подъ именемъ *киновіи* (т. е. общежитія), въ одной египетской деревнѣ. Потомъ такія киновіи, съ именемъ уже *монастырей*, стали возникать и въ другихъ странахъ христіанскаго міра,—сначала на востокъ, потомъ и на западъ. На востокъ монастырская жизнь впервые была регламентирована св. Василиемъ Великимъ, епископомъ Кесаріи Каппадокіяской, правила котораго, данныя монастырямъ, до сихъ поръ составляютъ канонъ для православнаго монашества. На западъ же древнѣйшимъ и наиболѣе авто-

¹) Окончаніе. См. Богосл. Вѣстникъ, май, стр. 1—24.

ритетнымъ законодателемъ монашеской жизни былъ св. Бенедиктъ Нурсійскій († 543 г.); затѣмъ въ продолженіе среднихъ вѣковъ здѣсь возникло множество другихъ монашескихъ общинъ или орденовъ съ болѣе или менѣе своеобразными статутами, въ основу которыхъ полагалась какая-либо особая церковно-соціальная цѣль: проповѣданіе слова Божія (*praedicatores*), воспитаніе юношества (бенедиктинцы), борьба съ ересями (иезуиты) и т. п. Такого различія монаховъ по орденамъ нѣтъ въ нашей церкви, такъ какъ всѣ восточные монахи держатся одного устава, даннаго св. Василиемъ Великимъ.

Сущность монашеской жизни, по этому уставу, состоитъ въ соблюденіи трехъ религіозныхъ обѣтовъ, произносимыхъ при поступленіи въ монашество: а) обѣта *послушанія* старшимъ съ отреченіемъ отъ собственной воли, б) обѣта *цѣломудрія* и в) обѣта *нестяжательности*, или отреченія отъ всякой собственности. По степени осуществленія этихъ обѣтовъ наши монахи раздѣляются на такъ называемыхъ *рясофорныхъ*, т. е. получившихъ только черную монашескую рясу, какъ „залогъ будущихъ обѣтовъ дѣйствительнаго монашества“ (указъ Св. Синода 21 іюня 1804 года), на *дѣйствительныхъ монаховъ*, т. е. произнесшихъ уже три установленныхъ обѣта и получившихъ при постриженіи особенную одежду—длинную черную мантию, почему такіе монахи и называются еще *манатейными*, и на *схимниковъ* или *схимонаховъ*, обязанныхъ болѣе строгими обѣтами, именно — обѣтомъ совершеннаго уже отреченія отъ міра и человѣческаго общества, и отличающихся нѣкоторыми особыми одеждами, которыя въ своей совокупности называются *великою схимой*.

Отличаясь отъ мірянъ своими обѣтами и образомъ жизни, основаннымъ на этихъ обѣтахъ, монашество само по себѣ не причисляется къ клиру; напротивъ, церковные каноны прямо отличаютъ монаховъ отъ клириковъ и во многихъ отношеніяхъ ставятъ на одну линію съ мірянами (напр. IV всел. 2; трул. 81; VII всел. 5, 9, 13 и др.). Только тѣ монахи въ строго каноническомъ смыслѣ должны быть причислены къ клиру, которые получили рукоположеніе на ту или другую церковно-іерархическую степень. Для служенія въ монастырскихъ церквахъ обыкновенно и рукополагаются

въ священники и діаконъ монахи, которые въ отличіе отъ мірскихъ или бѣлыхъ священнослужителей называются: священники—*іеромонахами*, а діаконъ *іеродіаконами*. Такимъ образомъ, монашество не составляетъ препятствія къ полученію священнаго сана во всѣхъ его степеняхъ; напротивъ, со времени трульскаго собора, впервые узаконившаго на востокъ безбрачіе епископовъ (пр. 12), монахи такъ же часто возводились на эту высшую церковно-іерархическую степень, какъ и лица изъ бѣлаго духовенства и мірянъ, не связанныя бракомъ. Въ русской церкви, путемъ обычая, образовалось даже правило, чтобы въ епископы были рукополагаемы исключительно монахи. Греческая церковь до сихъ поръ не знаетъ этого правила. Тамъ большею частію въ архіереи посвящаются только такъ называемые рясофорные монахи, т. е. не принявшіе полного монашества. Но если кто рукоположенъ въ епископы, не будучи монахомъ, то онъ уже не можетъ принять монашества и при этомъ сохранить санъ и власть епископа, ибо—говоря словами 2 канона константинопольскаго собора въ храмѣ св. Софіи— „обѣты монашествующихъ содержатъ въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства или начальствованія“, каково епископство; монахи „обѣщаются не иныхъ пасти, но пасомыми быти“. Отсюда соборъ совершенно логически выводитъ то заключеніе, что епископъ, принявшій монашество, подлежитъ удаленію со своей кафедры въ монастырь на монашескіе подвиги. Само собою понятно, что онъ при этомъ не лишается своего сана, а теряетъ только права власти епископской. Но если въ данномъ случаѣ монашескіе обѣты признаются несомвѣстимыми съ епископствомъ, то почему они не препятствуютъ *полученію* епископскаго сана и соединенной съ нимъ іерархической власти? Почему лицо, давшее обѣтъ послушанія и отреченія отъ міра, дѣлается начальствующимъ и въ этомъ качествѣ необходимо становится въ самое близкое отношеніе къ міру и мірскимъ дѣламъ? Въ отвѣтъ должно сказать, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ архіерейство или епископство не есть нарушеніе обѣтовъ монашества; напротивъ, монашество является какъ бы приготовленіемъ къ архіерейству, которое дается высшею церковною властію и принимается рукополагаемымъ именно по долгу повиновенія установленной

духовной власти. Притомъ же лицо, уже утвердившееся въ монашеской жизни и испытанное въ соблюденіи своихъ обѣтовъ, легче и удобнѣе можетъ оставаться монахомъ и въ архіерействѣ, чѣмъ архіерей, принявшій монашество, не смотря на свой санъ.

Если, какъ мы видѣли, обѣты монашескіе сами по себѣ не сообщаютъ монахамъ званія лицъ священныхъ или духовныхъ, т. е. не даютъ имъ никакихъ церковно-іерархическихъ правъ, получаемыхъ черезъ рукоположеніе, то съ другой стороны нельзя не признать полной аналогіи между клиромъ и монашествомъ въ формальномъ отношеніи: какъ духовенство назначено на исключительное служеніе церкви на разныхъ іерархическихъ ступеняхъ, такъ и монашество имѣетъ цѣлью исключительное служеніе нравственно религіозной идеѣ. Поэтому, тѣ-же самые каноны, которые, какъ мы видѣли, ясно отличаютъ *простыхъ* монаховъ (т. е. не получившихъ рукоположенія) отъ клириковъ, ставятъ ихъ и на ряду съ этими послѣдними въ томъ отношеніи, что подчиняютъ ихъ власти мѣстныхъ архіереевъ въ такой же мѣрѣ, какъ и клириковъ, и караютъ за отреченіе отъ монашескихъ обѣтовъ точно такъ же, какъ и за своевольное сверженіе съ себя духовнаго сана (халк. 7). Сообразно съ этимъ и наши государственные законы всѣхъ вообще монаховъ, принявшихъ полное постриженіе, причисляютъ къ духовенству, отличая только эпитетомъ: черное или *монашеское* духовенство (т. IX, зак. о сост., ст. 339). Какъ лица духовныя, монахи пользуются, по нашимъ государственнымъ законамъ, тѣми же самыми преимуществами, которыя принадлежатъ и всѣмъ вообще клирикамъ, т. е. свободю отъ податей и личныхъ повинностей, а также подсудностью своему духовному начальству въ случаяхъ, определенныхъ церковными законами.

§ 11. *Условія вступленія въ монашество.* Для вступленія въ монашество не требуется какихъ либо особенныхъ умственныхъ или нравственныхъ качествъ, подобныхъ тѣмъ, какія признаются необходимыми въ кандидатахъ на церковно-іерархическія степени. Никакой прежній образъ жизни, даже самый порочный, не можетъ служить препятствіемъ къ поступленію въ монашество (трул. 43), и это потому, что монашество въ сущности есть подвигъ непрестаннаго покая-

нія, а доступъ къ покаянію, конечно, долженъ быть открытъ каждому грѣшнику. Отъ ищущихъ монашества требуется только:

1) *Опредѣленный возрастъ.* Церковныя правила дозволяютъ принимать въ монастырь для постепеннаго подготовленія къ монашеству даже десятилѣтнихъ (трул. 40), а для произнесенія самыхъ обѣтовъ назначаютъ 17-лѣтній возрастъ (Вас. Вел. 18). Но по нашимъ государственнымъ законамъ, желающіе постричься въ монашество должны быть: мужчины не моложе 30, а женщины—40 лѣтъ отъ рожденія (т. IX о сост. ст. 344).

2) *Предварительный искусъ*, или испытаніе, которое обыкновенно продолжается 3 года, но можетъ быть и сокращено въ случаѣ тяжкой болѣзни или для лицъ, завѣдомо расположенныхъ къ монашеской жизни (Двук. соб. пр. 5). На этомъ послѣднемъ основаніи у насъ освобождаются отъ искуса лица, окончившія курсъ богословія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и вдовые священники и діаконъ, которымъ поэтому и возрастъ, требуемый для принятія въ монахи, понижается до 25 лѣтъ (указъ Св. Синода 1832 года мая 29).

3) *Свободное и непринужденное желаніе вступить въ монашество.* Принужденіе къ монашескимъ обѣтамъ разсматривается въ нашихъ уголовныхъ законахъ, какъ преступленіе sui generis (Улож. о наказ. ст. 1586 и 1599). Не уважаются также и обѣты родителей, обрекающихъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей на монашество, если послѣднія, по достиженіи ими надлежащаго возраста, сами того не пожелаютъ (Дух. Реглам., прав. о монахахъ пункт. 9; т. IX о сост. ст. 347, п. 2).

4) *Свобода отъ другихъ обязанностей и отношеній, несовмѣстимыхъ съ монашествомъ.* Поэтому запрещается а) постригать мужа отъ живой жены и наоборотъ, развѣ только по взаимному ихъ согласію вступить обомъ въ монашество, и при томъ подъ условіемъ бездѣтности, или когда дѣти уже не нуждаются въ родительскомъ попеченіи; но и въ такомъ случаѣ супруги допускаются къ постриженію не прежде, какъ по достиженіи узаконныхъ для того лѣтъ (т. IX ст. 347, п. 1). Приложимо ли и здѣсь правило, устанавливающее вышеуказанное различіе возраста мужчины и женщины, ищущихъ постриженія,—на этотъ вопросъ не находится отвѣта въ нашихъ законахъ. Нужно думать, что точное соблю-

деніе его въ этомъ случаѣ не обязательно, и что вмѣстѣ съ постриженіемъ мужа, достигшаго 30-лѣтняго возраста, постригается и жена, хотя бы ей и не было 40 лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мужъ по достиженіи 30 лѣтъ вступить въ монашество, странно было бы требовать, чтобы жена оставалась въ міру, пока ей не исполнится 40 лѣтъ; съ другой стороны, требовать, чтобы мужъ дожидался, когда жена достигнетъ этого возраста, было бы несправедливо тѣмъ болѣе, что обыкновенно жена бываетъ моложе своего мужа. Впрочемъ, это вопросъ церковной практики, примѣры которой мы не извѣстны.—Запрещается, далѣе, принимать въ монашество б) лицъ, обремененныхъ долгами и состоящихъ подъ судомъ (т. IX ст. 347 п. 3) и в) состоящихъ на службѣ—безъ увольненія отъ начальства, податныхъ—безъ увольненія отъ обществъ и подлежащихъ вѣдомствъ (ст. 345). Наконецъ—

5) Наши государственные законы предписываютъ, чтобы лица, вступающія въ монашество, предварительно дѣлали распоряженіе о своемъ имуществѣ, именно—родовое имущество отдавали бы своимъ законнымъ наслѣдникамъ, а благопріобрѣтеннымъ распоряжались бы въ чью-либо пользу по своему усмотрѣнію; въ противномъ случаѣ и это имѣніе обращается къ законнымъ наслѣдникамъ безвозмездно, по распоряженію правительства (т. IX, ст. 354).

§ 12. *Порядокъ пріянія въ монашество.* До времени Петра Великаго право постриженія въ монахи у насъ имѣлъ каждый игумень или настоятель монастыря. Но по требованію Петра Великаго, синодскимъ указомъ 3 марта 1825 года право это отнято не только отъ настоятелей монастырей, но и отъ епархіальныхъ архіереевъ и предоставлено исключительно самому Св. Синоду, куда и должны были направляться изъ епархій всѣ просьбы о принятіи въ монашество. Такъ было до 1865 года, когда синодскимъ указомъ 29-го сентября принятіе въ монашество предоставлено власти каждаго епархіальнаго архіерея (т. IX Свод. Зак. ст. 343). Такимъ образомъ, желающій постричься въ монахи, по дѣйствующимъ законамъ, подаетъ объ этомъ прошеніе мѣстному архіерею съ указаніемъ монастыря, въ который желаетъ поступить, и съ приложеніемъ документовъ, удостовѣряющихъ въ томъ, что нѣтъ никакихъ препятствій къ поступленію просителя въ монахи (ст. 345). Если архіерей съ своей стороны

не находить причинъ къ отказу, то опредѣляетъ ищущаго монашество на послушническій 3-годовой искусь и въ то же время о всемъ дѣлѣ увѣдомляетъ черезъ консисторію то присутственное мѣсто, изъ коего выданы новоопредѣленному въ монашество представленные имъ документы (ст. 346). Послѣ 3-лѣтняго искуса самое постриженіе въ монахи совершается уже настоятелемъ монастыря. О числѣ постриженныхъ въ монахи епархіальные архіереи обязаны ежегодно доносить Синоду въ видѣ приложенія къ отчету о состояніи епархіи (Уст. Дух. Консист., ст. 77).

§ 13. *Положеніе монаховъ въ области церковнаго и гражданскаго права.* Изъ содержанія монашескихъ обѣтовъ, состоящихъ собственно въ полномъ отреченіи отъ міра и обыкновеннаго человѣческаго общежитія, необходимо вытекаютъ разныя ограниченія личныхъ, имущественныхъ и отчасти церковныхъ правъ (capitis deminutio) лицъ, принимающихъ монашество. Эти ограниченія состоятъ въ слѣдующемъ: 1) монахи, пока они находятся въ этомъ состояніи, не могутъ вступать въ бракъ (Номок. при Требн. 77; т. X ч. I, ст. 2 и 37). 2) Имъ навсегда, по ихъ уставамъ, запрещается употребленіе мясной пищи. 3) Монахи не могутъ быть воспріемниками дѣтей отъ купели крещенія, такъ какъ это налагало бы на нихъ обязательства, несовмѣстимыя съ обѣтомъ удаленія отъ міра и мірскихъ отношеній (Номокан. при Треб. 84). 4) Монахамъ, имѣющимъ священныя санъ, то есть іеромонахамъ и іеродіаконамъ, запрещается служеніе въ приходскихъ церквахъ и исправленіе приходскихъ требъ, въ особенности—вѣнчаніе браковъ (тамъ же). 5) Монахи, по уставу Василія Великаго и соборнымъ правиламъ, не могутъ имѣть никакой личной собственности, такъ что все, внесенное ими въ монастырь или въ немъ пріобрѣтенное, принадлежитъ не имъ, а монастырю (Корм. гл. 61, пр. 31; Двукр. 6). Сообразно съ этимъ каноническимъ требованіемъ, наши государственные законы (о состояніяхъ) предписываютъ, чтобы вступающій въ монашество изъ какого-бы то ни было званія распоряжался всякимъ своимъ имуществомъ до постриженія, отдавая родовое имѣніе законнымъ наслѣдникамъ, а благопріобрѣтенное — по своему усмотрѣнію; въ противномъ случаѣ то и другое имѣніе обращается къ законнымъ наслѣдникамъ безвозмездно, по распоряженію мѣстнаго

гражданскаго начальства (т. IX ст. 254). На основаніи тѣхъ же самыхъ каноновъ наши государственные законы не признають за монахами ни завѣщательнаго права, ни права пріобрѣтать какія бы то ни было имущества по договору, по наслѣдству или по завѣщанію (т. IX, 354 и 363). Впрочемъ, по нашимъ законамъ не всѣ монахи лишаются права имѣть личную собственность. Въ этомъ отношеніи устанавливается въ законахъ различіе: а) между такъ называемыми монашествующими властями и простой монашеской братіей и б) между монахами монастырей *необщежительныхъ* и *общежительныхъ*. Монашествующія власти (архіереи, архимандриты, настоятели, и настоятельницы монастырей и ризничій московскаго синодальнаго дома) не только могутъ имѣть всякаго рода *движимую* собственность и законныхъ наслѣдниковъ на нее, но и право, впервые предоставленное имъ указомъ 21 февраля 1766 года (за № 12377), дѣлать завѣщаніе о своемъ движимомъ имуществѣ, кромѣ только вещей, принадлежащихъ къ ризницѣ и употребляемыхъ при богослуженіи (какъ то: митръ, крестовъ, панагіи и т. п.), хотя бы эти вещи устроены были на ихъ собственное иждивеніе: всѣ такія вещи должны переходить въ собственность той церкви, въ которой служилъ умершій (т. X ч. I, ст. 1025; указъ 30 іюля 1806 г.). Каноническій принципъ монашеской нестяжательности не выдерживается во всей строгости и по отношенію къ простымъ монахамъ монастырей *необщежительныхъ*. Къ такимъ монастырямъ принадлежатъ всѣ тѣ, которые до 1764 года владѣли у насъ населенными землями и которымъ, вмѣсто этихъ земель или вотчинъ, отобранныхъ въ указанномъ году въ казну, назначено особое штатное жалованіе. Монахи этихъ монастырей имѣють отъ монастыря только общій столъ, или трапезу, а все прочее пріобрѣтають каждый для себя собственнымъ трудомъ, съ помощію доходовъ отъ монастырской службы и жалованія отъ казны, отпускаемаго по штатамъ (Инстр. благоч. монастырей, § 15). Этими монахамъ дозволяется строить собственнымъ иждивеніемъ или покупать кельи и другія строенія внутри монастырей тамъ, гдѣ это допускается мѣстнымъ монастырскимъ уставомъ, не иначе, какъ съ условіемъ оставлять эти кельи и строенія, послѣ своей смерти или выхода изъ монастыря, въ монастырскую пользу (т. IX,

ст. 357). Далѣе, простымъ монахамъ необщежительныхъ монастырей не запрещается вносить свои денежные капиталы въ кредитныя установленія (но не подъ частныя долговыя обязательства) на условіяхъ по ихъ волѣ, съ тѣмъ, однако, чтобы въ случаѣ смерти вкладчиковъ капиталы эти непременно обращались въ монастырскую собственность (т. IX, ст. 361 и 362). Наконецъ, монахи необщежительныхъ монастырей не вполне лишены и права пріобрѣтать по завѣщанію, именно: они могутъ пріобрѣтать по завѣщанію *отъ архіереевъ и другихъ монашествующихъ властей, имѣющихъ завѣщательное право*, иконы, панагін, наперсные кресты и книги духовнаго или ученаго содержанія (прим. къ 1025 ст. т. X ч. 1 по продолж. 1863 г.). Такова, по дѣйствующимъ у насъ законамъ, имущественная правоспособность монашествующихъ властей и монаховъ монастырей необщежительныхъ. Что же касается *общежительныхъ* монастырей, то здѣсь во всей строгости выдерживается принципъ монашеской нестяжательности: здѣсь никто не имѣетъ ничего собственнаго; все у всѣхъ общее и все принадлежитъ монастырю (т. IX, ст. 394). Поэтому и настоятели общежительныхъ монастырей не имѣютъ завѣщательнаго права (т. X ч. 1 ст. 1187). 6) Духовнымъ лицамъ, съ постриженіемъ ихъ въ монашество, прекращается производство пенсіи, заслуженной ими по военному или гражданскому вѣдомству (напримѣръ, въ качествѣ законоучителей или полковыхъ священниковъ,—т. IX, ст. 355). 7) Монахамъ запрещается торговля всякими товарами, кромѣ продажи собственныхъ рукодѣлій, и то не иначе, какъ съ дозволенія своего начальства и посредствомъ избранныхъ престарѣлыхъ братій (т. IX, ст. 358). 8) Монахи не могутъ принимать на сбереженіе ни чужихъ денегъ, ни какихъ-либо вещей, кромѣ книгъ религіознаго содержанія; въ противномъ случаѣ все принятое ими на храненіе отбирается въ монастырскую казну (*ibid.* ст. 360). 9) Монахи не могутъ вмѣшиваться ни въ какія дѣла гражданскія, общественныя или церковныя, — напримѣръ, не могутъ быть попечителями, опекунами, повѣренными въ дѣлахъ, не касающихся ихъ монастыря (халк. 3 и 4; т. IX, 359) ¹⁾.

¹⁾ Особенно строгіе законы противъ вмѣшательства монаховъ въ дѣла общественныя и государственныя издаваемы были Петромъ Великимъ,

§ 14. *Внутреннее устройство монастырей.* Внутреннее административное устройство монашескихъ общинъ основано на принципѣ безусловнаго послушанія младшихъ старшимъ. Во главѣ монашеской общины стоятъ начальники или настоятели со званіемъ строителей, игуменовъ и архимандритовъ. Власть ихъ надъ простыми монахами имѣетъ характеръ свободной отеческой власти (Инстр. монаст. благоч. § 12). Безъ согласія или, говоря языкомъ монастырскихъ уставовъ, безъ благословенія настоятеля никто изъ братіи не можетъ ни начать какого бы то ни было дѣла, ни отлучиться изъ монастыря. Особенною строгостію отличается дисциплина монастырей общежительныхъ. Здѣсь власть настоятеля надъ братіей гораздо сосредоточеннѣе и крѣпче, нежели въ необщежительныхъ монастыряхъ. Поэтому и принято за правило, чтобы въ общежительныхъ монастыряхъ игумены избирались братіей изъ своей среды и только утверждались Св. Синодомъ, по представленію епархіальнаго архіерея (ук. Св. Синода 20 марта 1862 г.), тогда какъ настоятели необщежительныхъ монастырей прямо назначаются духовнымъ начальствомъ: или архіереемъ, если монастырь епархіальный, или Св. Синодомъ, если монастырь ставропигіальный. Въ знатнѣйшихъ монастыряхъ, именно—въ лаврахъ, которыхъ у насъ четыре (Троице-Сергіева, Александро-Невская, Кіево-Печерская и Почаевская, послѣдняя въ Волынской губерніи), подлѣ настоятеля стоитъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса по всѣмъ монастырскимъ дѣламъ, такъ называемый *учрежденный соборъ*, члены котораго избираются изъ старшей мона-

который не безъ основанія видѣлъ въ монахахъ главныхъ противниковъ всѣхъ своихъ преобразованій, въ особенности церковныхъ. Между прочимъ, законами Петра запрещалось монахамъ вступать съ кѣмъ-либо въ переписку и дѣлать выписки изъ книгъ для составленія „грамотъ совѣтныхъ“ безъ вѣдома настоятеля; поэтому имъ запрещалось держать въ кельяхъ бумагу и чернила. „Понеже, сказано въ оправданіе этого запрещенія, ничто такъ монашескаго безмолвія не разоряетъ, какъ суетныя ихъ и ложныя письма“, т. е. направленныя противъ реформъ государя. Письменные принадлежности дозволялось держать только въ трапезѣ и здѣсь писать, съ дозволенія настоятеля, необходимыя письма. (Правила чина монаш. въ приб. къ Дух. Регл. § 36. Ср. Вас. Вел. прав. о запрещеніи внокомъ, въ Кормчей гл. 61. прав. 34: „Аще кто обряцется кромѣ настоящаго (=настоятеля) пиша къ кому, или приѣмля писанія отъ кого, да будетъ отлученъ отъ братства“).

стырской братіи. Какъ церковныя установленія, монастыри съ ихъ настоятелями находятся подъ властію мѣстнаго епархіальнаго архіерея, который назначаетъ сюда настоятелей и наблюдаетъ за монастырями чрезъ особыхъ благочинныхъ (халк. 4). Исключеніе изъ этого правила составляютъ только такъ называемые *ставропигіальные* монастыри, т. е. такіе, которые состоятъ въ непосредственномъ завѣдываніи не мѣстныхъ архіереевъ, а центральной духовной власти (у насъ—Св. Синода). Такихъ монастырей въ Россіи семь: четыре изъ нихъ находятся въ Москвѣ (Ново-Спасскій, Симоновъ, Донской и Заиконоспасскій) и по одному въ трехъ епархіяхъ: въ Московской—Ново-Іерусалимскій, въ Архангельской—Соловецкій и въ Ярославской—Спасо-Іаковлевскій. Монастыри по ихъ историческому значенію и по штатамъ 1764 г. раздѣляются на три класса. Къ первому принадлежатъ четыре лавры и всѣ ставропигіальные монастыри; ко второму классу—важнѣйшіе изъ епархіальныхъ монастырей; къ третьему—всѣ монастыри общежительные и тѣ изъ необщежительныхъ, которые въ 1761 г. получили низшій окладъ государственнаго жалованья. При единствѣ началъ монашеской жизни, основанной на извѣстныхъ трехъ обѣтахъ, монастыри значительно разнятся между собою въ частностяхъ своихъ уставовъ, полученныхъ ими отъ своихъ основателей. Эти разности относятся или къ богослуженію, или къ трапезѣ и одеждѣ и вообще къ образу жизни и поведенію монаховъ. Отсюда старая пословица: „въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходи“.

§ 15. *Церковное и соціальное значеніе монашества.* До Петра Великаго русское правительство и общество видѣло въ монашество необходимый элементъ церковной жизни, а въ монастыряхъ—мѣста убѣжища отъ жизненныхъ невзгодъ для отдѣльныхъ лицъ и божественную охрану всей Русской земли. Не таковъ былъ взглядъ великаго Преобразователя. Цѣня главнымъ образомъ одно матеріальное служеніе обществу и раздраженный упорною оппозиціей, какую встрѣчали всѣ его преобразованія въ монашество, онъ смотрѣлъ на монаховъ, какъ на людей, которые „подаютъ чужіе труды“ и отъ которыхъ кромѣ того являются „забобоны, ереси и суевѣрія“. Припоминая изъ исторіи, какъ Византія въ послѣднее время своего существованія имѣла около себя до

300 монастырей и не могла набрать 6000 солдатъ для своей обороны отъ турковъ, Петръ въ своемъ знаменитомъ „Объявленіи“ о монашествѣ 1724 г. замѣчаетъ, что „Господь еще не лишилъ такъ благодати своей русскихъ царей, какъ греческихъ, въ неразсмотрѣнн сего излишества“. Въ силу такого взгляда, первую заботою Петра было сокращеніе числа монастырей и монаховъ. Дух. Регламентъ опредѣлилъ не строить новыхъ монастырей безъ разрѣшенія Св. Синода и Верховной Власти, малые монастыри сводить въ одинъ, а ихъ церкви обращать въ приходскія; Св. Синоду вмѣнено въ обязанность искоренять старинное вѣрованіе, будто безъ постриженія въ монашество нельзя спастись и что по крайней мѣрѣ передъ смертію нужно непременно принять монашеское постриженіе. Монастырскому приказу, въ которомъ сосредоточено было управленіе вотчинными дѣлами монастырей, поручено было для опредѣленія числа монашествующихъ составить монастырскіе штаты. При постриженіи въ монашество принято было за общее правило—наличнаго числа монаховъ и монахинь не увеличивать, постригать желающихъ только на убылыхъ мѣста. Но и то число монашествующихъ, какое найдено по переписи монастырей, признано слишкомъ великимъ, и указомъ 1723 года предписано было вмѣсто убылыхъ монаховъ не постригать новыхъ, а помѣщать на открывшіяся въ монастыряхъ вакансіи инвалидовъ. Но такъ какъ эта мѣра клонилась уже, такъ сказать, къ совершенному уничтоженію монашества, то она вскорѣ была отмѣнена или, точнѣе, замѣнена предписаніемъ, чтобы постриженіе въ монашество совершалось по епархіямъ не иначе, какъ съ разрѣшенія Св. Синода. Чтобы монастыри „не поядали чужихъ трудовъ“, какъ выражался Петръ, онъ старался привлечь ихъ къ какому нибудь роду общественнаго служенія. Остававливаясь на этой мысли, „Объявленіе“ о монашествѣ рассуждаетъ, что монашество существуетъ: 1) для удовлетворенія склонности нѣкоторыхъ людей къ религіозному уединенію и 2) для приготовленія избранныхъ монаховъ къ архіерейскимъ и другимъ важнымъ церковнымъ должностямъ. Для послѣдней цѣли предполагалось устроить при монастыряхъ ученыя братства и школы. Неученые монахи предназначались въ монастыряхъ на разныя работы: столярную, иконописную

и др., а монахини—для пряжи, вышиванія и др. женскихъ рукодѣлій. Кромѣ того монастыри назначались къ благотворительному служенію обществу, обращались въ богадѣльни, больницы и воспитательные дома. Законы Петра о сокращеніи числа монаховъ никогда не практиковались съ такою настойчивостію, какъ при Аннѣ Ивановнѣ, въ періодъ бироновщины. Изданъ былъ новый указъ—не постригать никого, кромѣ вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ, и велѣно переписать всѣхъ наличныхъ монаховъ. Перепись открыла, что послѣ Петра настоятели нѣкоторыхъ монастырей постригали въ монахи недостигшихъ законныхъ лѣтъ, установленныхъ Духов.Регламентомъ, мужей отъ живыхъ женъ, крестьянъ безъ увольненія отъ помѣщиковъ, даже бѣглыхъ солдатъ. Всѣхъ такихъ монаховъ велѣно разстригать и отдавать въ солдаты. Благодаря строгому разбору монаховъ и розыскамъ Тайной Канцеляріи, дѣло дошло до того, что въ 1740 г. Синодъ докладывалъ о совершенномъ оскудѣніи монашества; въ монастыряхъ остались только старики, неспособные ни къ церковному служенію, ни къ монастырскимъ послушаніямъ, а въ иныхъ обителяхъ и такихъ не оставалось; между тѣмъ монашество все еще продолжало уменьшаться „черезъ разные случаи“, такъ что Синодъ извѣщивалъ опасеніе, какъ бы оно даже вовсе не исчезло въ Россіи. Всѣ описанныя строгости относительно монашества прекратились въ правленіе набожной императрицы Елисаветы: въ 1760 г. позволено постригать желающихъ изъ всѣхъ сословій, но съ тѣмъ вмѣстѣ попрежнему продолжалась посылка въ монастыри солдатъ, сумасшедшихъ и малолѣтнихъ преступниковъ. Окончательно прекратилось все это только вмѣстѣ съ полною секуляризациею монастырскихъ вотчинъ, что, какъ извѣстно, совершилось въ 1764 году. Назначивъ на содержаніе монастырей и опредѣленнаго въ нихъ числа братіи *штатное* жалованіе, равняющееся лишь одной трети всѣхъ доходовъ съ отобранныхъ у нихъ вотчинъ, и удержавъ за собою $\frac{2}{3}$, правительство тѣмъ самымъ освобождало монастыри отъ лежавшей на нихъ повинности предъ государствомъ и обществомъ. Можно было бы ожидать, что секуляризація монастырскихъ земель положить конецъ дальнѣйшему экономическому росту старыхъ монастырей и возникновенію новыхъ; но на самомъ дѣлѣ не вышло ни того ни другого.

Старые монастыри продолжали жить славою своихъ основателей и своей исторіи, какъ процентами съ неотъемлемаго духовнаго капитала, а новые стали возникать вслѣдъ за эпохою секуляризаціи. При самой Екатеринѣ II учреждено 3 монастыря, въ царствованіе Александра I-го—4, при Николаѣ I—15, при Александрѣ II съ 1855 до 1869 г.—31 монастырь,—словомъ, въ продолженіи менѣе чѣмъ ста лѣтъ 52 монастыря. Цифры эти, идущія все *crescendo*, весьма краснорѣчивы. Они показываютъ, что монастыри до сихъ поръ составляютъ у насъ общественную потребность. Замѣтимъ при этомъ, что изъ числа 52 монастырей новой Россіи большая часть основана, какъ и прежде, частными лицами, которыя не рѣдко жертвовали на это дѣло все свое достояніе. Были и такіе случаи, что новые монастыри возникали по инициативѣ людей, которые, подобно Некрасовскому „дядѣ Власу“, ничего не могли принести на пользу задуманнаго ими „святого дѣла“, кромѣ своего личнаго труда и усердія, и однакожь сборомъ добродѣтельныхъ подаяній находили средства къ устройству и достаточному обезпеченію монастырей. Нерѣдко то и другое дѣло принимаютъ на себя цѣлыя городскія и сельскія общества. Правительство не только не препятствуетъ теперь возникновенію новыхъ монастырей, но, гдѣ представляется нужнымъ, само принимаетъ участіе и даже инициативу въ этомъ дѣлѣ. По Высочайше утвержденному 9 мая 1881 г. опредѣленію Св. Синода, учрежденіе новыхъ монастырей и общинъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на ихъ содержаніе не испрашивается пособія отъ казны, предоставлено самому Св. Синоду. Въ Синодѣ же съ 1865 года принято за общее правило разрѣшать сооруженіе новыхъ монастырей на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы при этомъ съ цѣлями монашеской жизни соединялась и цѣль благотворительная или воспитательная и 2) чтобы монастыри были устрояемы не иначе, какъ *на началахъ общежитія* (ук. св. Синода 25 Апр. 1865 г. и 22 Янв. 1870 г.). Такой типъ новаго русскаго православнаго монастыря уже самъ собою обрисовался въ большинствѣ монастырей, возникшихъ съ послѣдней четверти прошлаго столѣтія по инициативѣ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ.

Какой же общій выводъ мы должны сдѣлать изъ всѣхъ этихъ фактовъ? Прежде всего, конечно, тотъ, что духов-

ная сила, созидавшая древніе наши монастыри, и теперь еще продолжаетъ дѣйствовать. Само собою понятно, что съ измѣнившимися условіями народной жизни должны были измѣниться и способы исполненія монашествомъ своей жизненной соціальной задачи. Но самая эта задача въ сущности остается одна и таже. Она состоитъ въ служеніи высшимъ нравственнымъ идеаламъ христіанства, которые указаны въ Евангеліи, конечно, не для того, чтобы они сдѣлались когда либо мертвою буквою. Если для отдѣльныхъ личностей стремленіе къ этимъ идеаламъ составляетъ духовную необходимость, то для цѣлаго христіанскаго общества появленіи такихъ личностей можетъ служить только залогомъ непрерывнаго нравственнаго прогресса. Монашество, по своей идеѣ, есть самоотверженный подвигъ, совершаемый не только для удовлетворенія личной нравственной потребности, но и на служеніе общему благу, ибо нравственный христіанскій законъ обязываетъ cadaго любить своего ближняго, какъ самого себя. Съ соціальной точки зрѣнія, монашество есть трудъ, организованный на началахъ и во имя христіанской религіи. Если обыкновенный человѣческій трудъ, общимъ источникомъ котораго служитъ эгоизмъ, въ концѣ концовъ ведетъ къ увеличенію суммы общаго блага, то какихъ плодовъ для общества можно ожидать отъ самоотверженнаго труда, совершаемаго во имя религіи любви? Можно только желать, чтобы монашество стояло на высотѣ своего религіозно-соціальнаго призванія, но принципиально отрицать его значеніе, какъ необходимаго и благодѣтельнаго жизненнаго фактора, было бы большимъ грѣхомъ и предъ исторіей, и предъ современною намъ жизнію христіанскаго общества, по крайней мѣрѣ русскаго, православнаго.

§ 16. *Потеря монашескаго состоянія и ея послѣдствія.* Обѣты монашескіе даются однажды навсегда; поэтому самовольное сложеніе съ себя монашества и возвращеніе въ мірское состояніе составляетъ, съ канонической точки зрѣнія, столь же тяжкое преступленіе, какъ и сверженіе духовнаго сана (халк. 7). По византійскимъ государственнымъ законамъ, принятымъ въ составъ нашей Кормчей, монахъ, свергавшій съ себя свои обѣты и одежды, былъ возвращаемъ въ монастырь насильственно, а за повтореніе того-же преступленія обращался прямо въ податное состояніе (отъ нов. за-

повѣд. Уст. II-й грани гл. 1,—Кормч. ч. 2, л. 59 об.). По дѣйствующимъ у насъ законамъ (IX, 349) дозволяется, однако, просить о сложеніи монашескаго сана, какъ и о сложеніи сана духовнаго. Но эта просьба исполняется только послѣ безуспѣшнаго шестимѣсячнаго увѣщанія просителя о сохраненіи обѣтовъ; увѣщаніе производится сначала черезъ монастырскаго настоятеля и старшую братію, потомъ черезъ особыхъ духовныхъ лицъ по назначенію мѣстнаго архіерея и, наконецъ, въ полномъ присутствіи мѣстной духовной консисторіи. Если увѣщанія останутся безуспѣшными, то консисторія постановляетъ о снятіи монашества, и это постановленіе приводится въ исполненіе только съ разрѣшенія Св. Синода (Уст. Дух. Консист. 86). Уволенный такимъ образомъ изъ монашества возвращается въ то состояніе, къ которому принадлежалъ по рожденію, безъ возврата преимуществъ, чиновъ и отличій, какія могли быть приобрѣтены имъ прежнею службою до постриженія въ монашество (IX, 348). Равнымъ образомъ, ему не возвращается и то имущество, которое онъ внесъ въ монастырь или которое оставилъ въ міру при своемъ постриженіи (IX, 356). Кромѣ того, онъ лишается навсегда права быть опредѣленнымъ на гражданскую службу и не можетъ имѣть жительства или приписаться къ какому-либо обществу въ той губерніи, гдѣ былъ монахомъ, равно какъ и въ обѣихъ столицахъ, *во все то время*, въ продолженіи котораго, по церковнымъ, правиламъ, состоитъ подъ епитиміею за свой поступокъ, т. е. въ теченіе семл лѣтъ (IX, 349, п. 3 и 4). Если монахъ лишается своего сана по приговору духовнаго суда за проступки и преступленія, оскорбляющіе монашеское званіе, то ему уже навсегда запрещается вѣздъ въ столицы и приписка къ городскимъ или сельскимъ обществамъ въ той губерніи, гдѣ былъ монахомъ, въ исполненіи чего съ него берется подписка подъ опасеніемъ за нарушеніе оной быть сосланнымъ въ Сибирь на всегдашнее пребываніе, безъ разрѣшенія и тамъ поступать на службу. Съ означенной подпиской онъ получаетъ мѣсто жительства безъ правъ состоянія, принадлежащихъ ему по рожденію, по указанію гражданскаго начальства (IX ст. 349 п. 5 и 6 и ст. 350).

3. Міряне.

§ 17. *Права и обязанности мірянъ въ церкви.* Міряне образуютъ третье и самое многочисленное состояніе въ церкви. Мы уже видѣли, что это состояніе устанавливается актами крещенія для некрещенныхъ и присоединенія къ церкви для правильно крещенныхъ въ другомъ христіанскомъ вѣроисповѣданіи ¹⁾. Тотъ и другой актъ, то есть крещеніе и присоединеніе къ церкви, сообщаютъ субъекту общую церковную правоспособность или, такъ сказать, общее право гражданства въ церковномъ союзѣ. Но въ чемъ-же именно состоитъ эта общая церковная правоспособность мірянъ? какія *положительныя* права даетъ человѣку и какія обязанности налагаетъ на него принадлежность къ христіанской церкви? Мы не будемъ говорить о тѣхъ правахъ, которыя даются въ сферѣ гражданскаго или мірскаго права на основаніи религіи, а только о чисто церковныхъ правахъ и обязанностяхъ, соединенныхъ съ званіемъ члена церкви. Прежде всего нужно замѣтить, что по отношенію къ чисто-религіознымъ благамъ, даннымъ церкви для внутренняго освященія и усовершенія человѣка, нѣтъ никакого преимущества лицъ духовныхъ предъ мірянами: эти блага въ равной мѣрѣ открыты всѣмъ вѣрующимъ во Христа, всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ церкви. Все различіе между іерархіей и мірянами въ этой чисто-религіозной сферѣ состоитъ только въ томъ, что послѣдніе суть только *причастники* духовныхъ благъ, тогда какъ первая, по Божественному установленію, является вмѣстѣ съ тѣмъ и *раздавательницею* ихъ. Впрочемъ, и здѣсь допускается одно-важное исключеніе, именно: безусловная необходимость крещенія для спасенія всѣхъ и каждаго вызвала въ церкви правило, по которому, въ случаяхъ крайней нужды, когда на лицо нѣтъ священника, всякій мірянинъ, даже лицо женскаго пола (напримѣръ, повивальная бабка) можетъ совершать *дѣйствительнымъ образомъ* крещеніе, если только этотъ актъ будетъ совершенъ, какъ онъ

¹⁾ При этомъ принадлежавшіе прежде къ исповѣданіямъ, не признающимъ таинства миропомазанія (лютеране и реформаты), присоединяются къ православной церкви чрезъ совершеніе надъ ними этого таинства, а всѣ прочіе—чрезъ отреченіе отъ своихъ религіозныхъ заблужденій.

совершается въ самой церкви, то есть черезъ тоекратное погруженіе съ произнесеніемъ извѣстной формулы при каждомъ погруженіи. Актъ крещенія, такимъ образомъ совершенный, уже не повторяется (Номок. при Треби., ст. 202). Вообще, различіе между священными и несвященными лицами съ безусловной необходимостью выступаетъ только въ сферѣ публичнаго богослуженія (крещеніе же имѣетъ значеніе акта частнаго): здѣсь мірянамъ запрещается не только совершать какія-либо священнодѣйствія (трул. пр. 58, лаод. 26) но и входить внутрь алтаря, по крайней мѣрѣ — главными (царскими) дверями (трул. 69), или прикасаться къ престолу и къ священнымъ вещамъ и сосудамъ, находящимся на немъ (лаод. 21). Въ другихъ же сферахъ церковной жизни, въ сферѣ церковнаго ученія и управленія, отношенія между іерархіей и мірянами, по началамъ православнаго церковнаго права, опредѣляются въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Право *официальнаго* учительства въ церкви принадлежитъ, конечно, только іерархическимъ лицамъ (трул. 64). Но это не значитъ, что міряне не имѣютъ никакого голоса въ дѣлахъ вѣры, какъ учитъ католическая церковь; напротивъ, такъ какъ религіозная вѣра есть достояніе всѣхъ вѣрующихъ, а не одной только іерархіи, то отсюда слѣдуетъ, что міряне не только въ правѣ, но и обязаны отвергать ученіе, несогласное съ догматами церкви, хотя бы оно проповѣдывалось кѣмъ-либо изъ духовно-іерархическихъ лицъ. Эта мысль ясно выражена, во 1-хъ, въ 15-мъ правилѣ константинопольскаго „двукратнаго“ собора (861 г.) и, во 2-хъ, въ посланіи восточныхъ патріарховъ, писанномъ въ 1848 году въ отвѣтъ папѣ Пію IX на его предложеніе объ уніи. Вотъ что сказано въ этомъ посланіи: „у насъ ни патріархи, ни соборы никогда не могли ввести чего нибудь новаго въ вѣрѣ, потому что хранителемъ богопочитанія у насъ является все тѣло церкви, то есть весь народъ, который всегда желаетъ сохранить свою вѣру неизмѣнною и согласною съ вѣрой отцовъ, какъ то испытали многіе изъ папъ и изъ латинствующихъ патріарховъ, попытки которыхъ навязать унію всему народу оставались безуспѣшными“. Вообще православная церковь не соединяетъ права религіознаго ученія съ священнымъ саномъ такъ, чтобы мірянинъ не могъ ни въ

какомъ случаѣ имѣть этого права: свѣтскія лица съ богословскимъ образованіемъ не только имѣютъ право преподавать Законъ Божій въ народныхъ училищахъ, но даже и произносить проповѣди въ церквахъ, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства.

2) Въ дѣлахъ церковнаго управленія участіе мірянъ можетъ правомѣрно обнаруживаться: а) въ правѣ избранія кандидатовъ на всѣ церковно-іерархическія должности. Въ первые вѣка христіанства избраніе на епископство и прочія церковныя степени обыкновенно было дѣломъ *всей мѣстной церковной общины* (то есть мірянъ и клира). Правда, уже въ IV столѣтіи со стороны церковной іерархіи началась оппозиція противъ народныхъ выборовъ духовенства, которые, конечно, не обходились безъ злоупотребленій и безпорядковъ. Такъ, лаодикійскій соборъ въ 18 своемъ правилѣ запретилъ толпѣ (*τοὺς ὄχλους*, въ лат. перев. turbos) совершать избранія лицъ, поставляемыхъ на священство. Тѣмъ не менѣе и послѣ требовалось, чтобы избираемые на церковно-іерархическія степени получали одобрительное свидѣтельство отъ мѣстной церковной общины (Феоф. пр. 7), и чтобы никто не былъ поставляемъ въ духовныя пастыри безъ воли народа. Выборное начало дѣйствовало и въ древней русской церкви до эпохи утвержденія московскаго единодержавія, когда избраніе въ архіереи стало дѣломъ высшей церковной іерархіи и государей; но право избранія или, по крайней мѣрѣ, рекомендаціи на священнослужительскія мѣста въ приходскихъ церквахъ и теперь не отнято у прихожанъ (въ единовѣрческихъ церквахъ иначе и не бываетъ). б) Міряне безспорно имѣютъ правомѣрное участіе въ управленіи церковными имуществами. Представителемъ мірянъ въ этомъ отношеніи, по нашимъ церковнымъ законамъ, является *церковный староста*, избираемый прихожанами изъ своей среды на три года. в) Для содѣйствія церковнымъ цѣлямъ вообще (каковы: благотворительность, религіозное образованіе, попеченіе о храмахъ, о бѣдныхъ прихожанахъ и т. д.) могутъ составляться изъ мірянъ разныя общества подъ именемъ *братствъ, приходскихъ попечительствъ* и т. п., дѣйствующихъ съ большей или меньшей автономіей. Вообще участіе мірскаго элемента въ церковныхъ дѣлахъ бываетъ тѣмъ шире и энергичнѣе, чѣмъ болѣе общество имѣетъ инициативы въ

осуществленіи своихъ собственныхъ чисто-соціальныхъ интересовъ.

Показавъ, въ чемъ состоятъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ и должны состоятъ права мірянъ въ церковномъ союзѣ, мы опредѣлимъ теперь *непрелѣтные* обязанности лицъ этого состоянія, имѣющія церковно-юридическій характеръ и необходимыя для *внѣшняго заявленія* принадлежности къ церковному обществу. Сюда относятся: 1) обязанность каждаго члена церкви содержать вѣру христіанскую такъ, какъ она содержится церковью. Обязательство къ этому дается каждымъ при крещеніи или при переходѣ въ церковь изъ другого христіанскаго вѣроисповѣданія: въ первомъ случаѣ крещаемый самъ или его воспріемникъ обязанъ прочитать *символь вѣры*; то-же требуется и отъ обращающагося въ православіе. Отсюда можно сказать, что знаніе символа вѣры составляетъ необходимыи *minimum* обязанностей простого члена церкви по отношенію къ своему вѣроисповѣданію. Сознательное уклоненіе отъ этого вѣроисповѣданія, соединенное при томъ съ упорнымъ отверженіемъ авторитета церкви, какъ непогрѣшимой учительницы вѣры, составляетъ преступленіе *ереси*. 2) Обязанность каждаго члена православной церкви по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ приступать къ исповѣди и причащенію, налагаемая у насъ не только церковными законами, но и государственными по отношенію къ православнымъ подданнымъ. 3) Обязанность христіанскихъ родителей крестить дѣтей въ церкви своего вѣроисповѣданія и воспитывать ихъ въ этомъ-же вѣроисповѣданіи, а по достиженіи ими опредѣленнаго въ церковныхъ законахъ возраста (семилѣтняго) приводить ихъ на исповѣдь и причащеніе (Номок. при Требн., ст. 68, 191); эта обязанность налагается и государственными законами (т. XIV о пред. и прес. прест. ст. 23 — 26). Всѣ эти обязанности имѣютъ не только нравственный, но и юридическій характеръ; выполненіе ихъ необходимо, какъ внѣшнее доказательство принадлежности къ церковному обществу.

§ 18. *Потеря церковной правоспособности.* Прекращается общая церковная правоспособность, во 1-хъ, *смертью*, во 2-хъ, *отпаденіемъ отъ церкви* въ другое христіанское или нехристіанское вѣроисповѣданіе и, въ 3-хъ, церковной *анафемой*. Нужно замѣтить, что два послѣдніе вида потери церковной

правоспособности не имѣютъ безусловнаго значенія: какъ добровольно отпадшій отъ церкви, такъ и отверженный или преданный анаѳемѣ самую церковь за какія либо тяжкія преступленія противъ закона Божія, въ случаѣ раскаянія, снова принимаются въ церковь, и притомъ безъ повторенія надъ ними крещенія, а только послѣ исполненія наложенной на нихъ церковной епитимьи. Само собою понятно, что перемѣна вѣроисповѣданія съ церковной точки зрѣнія есть тяжкое преступленіе; поэтому въ церковномъ правѣ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо формальномъ актѣ, который служилъ бы способомъ для дѣйствительнаго выхода изъ церкви и перехода въ другое вѣроисповѣданіе. Такой актъ можетъ быть установленъ только государствомъ, безразлично относящимся къ церкви. Но въ государствахъ конфессіональных, каково русское, перемѣна вѣроисповѣданія запрещается и государственными законами. Нашъ уголовный законъ смотритъ на перемѣну православнаго вѣроисповѣданія совершенно съ канонической точки зрѣнія, видя въ этомъ одно изъ самыхъ тяжкихъ преступленій противъ вѣры. Впрочемъ, уголовному наказанію подвергаются только совратители православныхъ въ другое вѣроисповѣданіе, а не сами совращенные: послѣдніе разсматриваются только какъ заблуждающіеся. Поэтому относительно такихъ лицъ принимаются только такія мѣры, которыя направлены къ тому, чтобы привести ихъ въ раскаяніе, то есть воссоединить съ церковію, и чтобы, съ другой стороны, устранить отъ ихъ вліянія лицъ, которыя находятся подъ ихъ властью. Такимъ образомъ, всѣ отпадшіе отъ православія отдаются въ распоряженіе духовнаго начальства для увѣщанія и въ случаѣ упорства подвергаются заключенію въ монастырь (въ особенности—въ знаменитый Спасо-Евѳиміевъ), гдѣ могутъ оставаться и на всю жизнь, если не обратятся въ православіе снова.

А. Павловъ.
